АЛЁНА
СЕЛЮТИНА

Сказка для Несмеяны

фэнтези

МИФ

МИФ Проза

Алёна Селютина

Сказка для Несмеяны

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Селютина А.

Сказка для Несмеяны / А. Селютина — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214791-5

С раннего детства Светозар влюблен в Несмеяну – и для него очевидно: все, что нужно для счастья, – быть с нею. Всю жизнь Несмеяна мечтала о детях – и Светозар показался ей хорошим выбором: добрый и ласковый, разве же этого недостаточно? Но достаточно ли любви одного, чтобы в семье все было ладно и легко? Достаточно ли доброты и признательности, чтобы союз был крепким? Однако жизнь не оставляет вариантов, и там, где возникают трудности, приходится искать решение. Осталось лишь выбрать путь. Также в издание вошли короткие рассказы и зарисовки обо всех героях цикла.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-214791-5

© Селютина А., 2026
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2026

Содержание

Сказка для Несмеяны 7
Часть 1 7
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Алёна Селютина
Сказка для Несмеяны

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

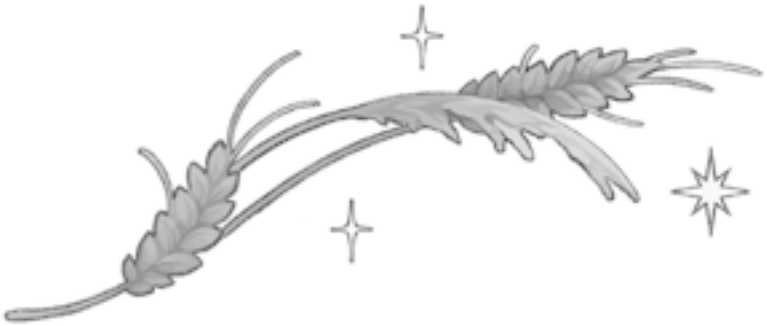
Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

© Селютина А., 2026
© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Сказка для Несмеяны

Часть 1

В дом Настасья входила в полной уверенности, что никого там уже не застанет. Но за столом над нетронутой кашей, понуро опустив голову, сидел Светозар.

– Не захворал, сынок? – забеспокоилась Настя.

Попутно смела крошки со стола в ладонь, отложила в сторону – курам, поставила крынку, достала из печи теплый хлеб, отрезала ломоть.

– Здоров я, – буркнул сын, не поднимая глаз.

– А что хмурый такой?

Открыла дверь в кладовую, нашла на полке вяленое мясо, положила его и хлебный ломоть на чистое полотенце, завернула и завязала на узелок.

– Несмеяна опять отказала, – с горечью поведал Светозар, и Настя приостановилась на мгновение.

– Второй раз? – удивилась она и тут же прикусила язык.

Надо же было такое ляпнуть.

– Второй! – с силой ударил кулаком по столу сын.

От удара качнулась крынка и едва не выплеснулось молоко. Светозар взглянул на свой кулак и поник.

– В прошлый раз хоть пару слов сказала, в этот промолчала – и все. Что я не так делаю? Матушка, как тебя отец замуж звал?

– Да как все, – пожала плечами Настя. – Словами.

– А почему ты согласилась?

– Потому что любила.

– А почему ты его любила?

– А почему люди друг друга любят, то одним богам ведомо.

– Матушка! – вскинул голову Светозар: глаза его горели тусклым, болезненным, но решительным пламенем. – А пусть отец к дядьке Трофиму сходит. Сосватает меня за Несмеяну. Он отца уважает и ему не откажет!

Настя, как раз ссы́павшая пшено и крошки в передник, чтобы идти кормить кур, резко остановилась перед дверью. Вернулась к столу.

– Любишь ее, значит?

– Люблю!

– Так любишь, что и против ее воли сделать своей готов?

Светозар открыл было рот, чтобы ответить, но слов так и не произнес, и взгляд из решительного стал испуганным. Понял, значит, успокоилась Настя. А то уж и правда едва не решила, что совсем сына не знает.

– Иди в кузню, – вздохнула она и кивнула на полотенце, – обед не забудь и крынку захвати для Трофима. В работе лучше думается.

Сын встал из-за стола, послушно взял кувшин и сверток. И снова просяще взглянул на мать.

– Ей со мной хорошо будет! – горячо прошептал он, явно ища поддержки, но Настя лишь покачала головой.

– Насильно хорошо не сделаешь.

– Я не насильник!

– Я знаю, – кивнула Настя, – вот и не становись им.

Светозар ушел молча.

* * *

День за работой пролетел, словно и не было. Светозар вышел из кузни, подставил горящее от жара печи лицо вечернему ветерку, вдохнул упоительно прохладный воздух. Смеркалось. Но в сумерках все еще отчетливо был виден дом кузнеца, стоящий неподалеку. И в огороде рядом с этим домом Светозар разглядел Несмеяну, половшую грядку. Подумал мгновение и решительно направился в ее сторону.

– Несмеяна, – позвал он. – Подай воды.

Она распрямилась, мельком взглянула на него, отерла пот со лба, выпростала подоткнутые юбки из-за пояса и поспешила к колодцу. Молча наполнила из уже приготовленного для отца ведра лежащую на бревне деревянную чарку, вернулась обратно и передала ее через плетень. Вода была ледяной. Светозар половину выпил, половину на лицо выплеснул. Выдохнул облегченно. На мгновение прикрыл глаза, собираясь с духом, и снова посмотрел на нее.

– Что, совсем ничего не скажешь? – спросил он.

– А что сказать? – прошептала Несмеяна, глядя куда-то ниже его плеча.

– Да что захочется.

Она опустила голову еще ниже. Светозар недовольно поджал губы.

– А раньше ты смеялась и улыбалась мне… Что изменилось?

– Раньше ты меня замуж не звал…

Светозар вспыхнул, повесил чарку на торчащую из плетня ветку, развернулся резко и пошел прочь от дома и от дочки кузнеца.

Из-за угла вышел Трофим, задумчиво посмотрел ему вслед.

– А что же, – спросил он, – правда, что он тебя замуж звал?

Несмеяна обернулась, растерянно помяла в кулаке передник.

– Звал, батюшка.

– И отказала ему? – недоверчиво нахмурился он.

– Отказала…

– Зачем же? Видно ж, что в душу ты ему запала. Чем он тебе не люб, чем не гож? Хороший муж выйдет, не обидит, отец его хозяин крепкий и живет по совести, да и Настасья баба добрая, в черном теле держать не станет. Семья большая, случись что – помогут, не оставят. Мне бы спокойнее было.

– Как же ты без меня, батюшка? – укорила Несмеяна.

– А что я? – усмехнулся кузнец. – Вдовицу себе найду. Вон Прасковья как на меня глядит. Да что ты краснеешь, словно маков цвет? Ох, Несмеяна, душа моя… Пойдем…

В доме было натоплено, пахло гречневой кашей с маслом и грибами, пареной репой и лепешками. Кузнец долго и обстоятельно умывался над чаном с подогретой водой, пока Несмеяна накрывала на стол.

– И все же, дочь, – серьезно сказал Трофим, садясь на лавку и пододвигая к себе миску. – Что ты нос воротишь? Али кто другой люб?

– Никто мне не люб, батюшка.

– Так что же ты тогда?

– Не знаю, – честно ответила Несмеяна. – Да только сердце при виде него молчит.

– Сердце! – недовольно воскликнул кузнец. – Нашла о чем думать! Эх дочка, дочка… Замуж тебе пора, вот мое слово. Ешь давай и спать ложись, поздно уже.

После трапезы Несмеяна прибралась на столе, поставила кашу обратно в печь, чтобы не остыла до утра, а сметану, наоборот, вынесла на улицу. На крыльце напоследок вдохнула быстро холодеющий воздух. В доме окончательно затушила огонь в горниле, оставив тлеть угли, и взобралась на полати над печью. В свои годы она все еще оставалась легкой и невысокой и до сих пор спала там, где обычно спали малые дети. Тишину в избе нарушали шуршание мышей под полом да храп отца, доносившийся с лавки, – после жара кузни он предпочитал отдыхать в прохладе. Где-то в полях кричала ночная птица. Но остальной мир уже крепко спал. Тогда Несмеяна осторожно, стараясь не шуршать соломой, отодвинула от стены тюфяк и в темноте на ощупь пересчитала свои главные сокровища – соломенных куколок, завернутых в лоскутки. Все пять были на месте. Да и куда бы делись? Но Несмеяна выдохнула облегченно, погладила их по головкам.

– Спите, мои крошечки, я рядом, – прошептала она.

Коли выйдет замуж, с собой не заберет и беречь уже не сможет. А отец, судя по всему, серьезно о том задумался. Отдаст ее Светозару. Светозара Несмеяна знала много лет и знала, что сердце у него доброе. Так что муж он, может, и хороший будет. Да только горько становилось от мысли, что придется покинуть отчий дом и жить в другом месте, с чужими людьми. В их маленькой избушке каждая вещь была знакома с детства. А кто знал, чем встретит ее терем на холме? И кто тогда позаботится о батюшке? Его же кормить надо. И за огородом вон следить…

Но пока что она еще здесь, в тепле и безопасности родного дома, и сейчас в узком пространстве между полатями и потолком можно представить, что так останется навсегда.

Несмеяна выбрала одну из кукол, прижала к себе, поджала ноги к груди, да так и уснула.

* * *

Настасья пряла при свете свечи и что-то тихо напевала – Светозар не разобрал слов, но мотив напомнил ему колыбельные, что она пела им с братьями в детстве. Он помучился за дверью, но все же вошел, подсел ближе к матери.

– Я подумала над твоим вопросом, – сказала она, не отрывая взгляда от веретена и вьющейся между пальцев нити.

– Над каким, матушка? – нахмурился Светозар.

– Почему я за вашего отца вышла. Потому что доверяла ему. И притом страшно становилось от мысли, что можно доверить себя кому-то другому. Скрепить себя узами значило больше не расставаться. Я этого хотела.

– И как же этого желания добиться?

Настя улыбнулась мягко. Притворенная дверь снова распахнулась, и через порог шагнул Финист.

– Батюшка! – поприветствовал Светозар, подскакивая.

Отец кивнул ему, перевел взгляд на жену.

– Пойдем, Настен, спать надо. Опять глаза натрудишь.

– Налетался, – проворчала мать, но послушно отложила веретено, прибрала кудель, встала из-за прялки. – И ты иди спать, – она повернулась к Светозару, ладонью притянула его за затылок, склоняя к себе, поцеловала в лоб. – Утро вечера мудренее.

Светозар проводил отца и мать задумчивым взглядом, вышел из дома, лег на лавку во дворе, сорвал и сунул в рот травинку и еще долго всматривался в звездное небо.

* * *

– Я тут подумал… – сказал утром Трофим, и Несмеяна ощутила, как сердце ушло в пятки. И оно не обмануло. – Коли тебя Светозар еще раз замуж позовет, соглашайся.

– Батюшка…

– Несмеяна! – прикрикнул, нахмурившись, кузнец. – Не глупи. Ты сама знаешь, что о тебе в деревне говорят. Я не вечен. А второго такого мужа ты не только у нас в селе – и в окрестных не найдешь. И в доме его тебе всегда будет тепло и сыто. Я о тебе забочусь, дочка, ты мне еще спасибо скажешь. Поняла меня?

Она кивнула. Будто у нее был выбор.

– А что, Светозар, – спросил Трофим позже в кузне. – Люба тебе моя дочь?

– Люба, – уверенно ответил Светозар, прямо взглянув на него.

– Ну так и забирай в жены, чего издали смотреть.

– Не хочет она за меня идти.

– А ты еще раз спроси, – улыбнулся в бороду кузнец. – Девки – они такие: сегодня одно на уме, завтра другое.

* * *

Несмеяна нашлась на крыльце. Перебирала ягоду. Светозар оперся о столб, поддерживающий козырек, а она лишь опустила голову ниже. Вспомнился ночной разговор с матерью. Что-то непохоже было, чтобы Несмеяна не желала с ним расставаться. И это злило. Он никак не мог понять, чем стал ей не люб. Ведь пока дружили, все ей было так и встречала она его всегда радостно. Неужто потому что знала: после разговора он уйдет? Но нет, нет… А может, думает, что недостойна его? Только что ж до этого не думала?.. Или, быть может, боится? Ведь знает… Но и раньше знала и не боялась… Или семьи его опасается, ведь одно дело у плетня разговоры вести, а другое – в чужой дом прийти. Но разве кто хоть раз сказал худое слово про его отца?

– Несмеяна, – позвал Светозар. – Ты ведь не боишься меня?

Она качнула головой, так и не подняв лица.

– Коли пойдешь за меня, все у тебя будет, – продолжил он. – Обижать не стану. Работой не уморю. И в доме нашем тебе будут рады.

Несмеяна продолжала молчать, только вот ягоду оставила в покое, замерла. И Светозар разозлился: что Трофиму вздумалось его дураком выставлять? Хватит с него.

– Последний раз тебя спрошу и, коли откажешь, больше не потревожу, – обрубил он. – Пойдешь за меня?

– Да.

Ну, нет так… Что?

– Пойдешь? – свистящим шепотом переспросил Светозар, не смея поверить услышанному.

– П-пойду, – слегка запнувшись, подтвердила Несмеяна.

Он не заметил запинки. Рассмеялся, подлетел к ней, подхватил за талию, поднял над землей и закружил. Лежавшие в переднике ягоды посыпались во все стороны.

– Что ж ты так долго меня мучила? – закричал Светозар, не помня себя от счастья, и, не дожидаясь ответа, поставил на землю, обхватил ее лицо ладонями и звонко поцеловал, а потом воскликнул, отстраняясь: – Ничего, ничего, я тебе все прощу! Домой побегу, скажу отцу, пусть сватов засылает, коли мы сговорились!

Захохотал пуще прежнего, снова прижал к себе, еще раз поцеловал и правда бросился бежать.

Несмеяна осталась стоять перед крыльцом как вкопанная. Растоптанные ягоды, упавшие с ее передника, алели на земле красными пятнами.

* * *

Несмеяна знала, что про нее говорили в селе. Что малахольная. Что едва ли не юродивая. Что умом тронулась после смерти матери. Что все выросли, а она так дитем и осталась. «И кому такая нужна будет? – причитали бабки. – Отец умрет, одна век куковать станет».

А все за ее молчаливость и за любовь сидеть с малыми детьми вместо того, чтобы ходить на девичьи посиделки да на всякие игры и забавы. Но с малышами было легко и весело, а со сверстниками – неловко и скучно. И тревожно становилось всякий раз от их взглядов и тихих шепотков. Так что если и мечтала когда Несмеяна о замужестве, то лишь затем, чтобы родить себе деток и любить их, растить, холить и лелеять. Ей всегда было в радость приглядывать даже за самыми крошечными, самыми плаксивыми, которые всех злили и раздражали. В ее руках они успокаивались и начинали улыбаться. В радость было и то, от чего остальные лишь охали и вздыхали: вытирать носы, стирать испачканные рубахи, укачивать подолгу. И так хотелось своего маленького, чтобы стал ей самым родным человеком на земле, чтобы больше не было одиноко. Уж она бы его любила, она бы за ним ходила, ночей бы не спала – ни разу не пожаловалась. Да только кто ей даст? Несмеяна знала, как это бывает. Родишь ребеночка, и уже надо и в поле, и к печи, и все что угодно; малыш заходится криком в зыбке, а все только и ждут, чтобы вырос поскорее. А как подрастет, выпустят его, и он ползает невесть где, а чего только не случается с детьми по недогляду. Ладно еще, заберется куда и сам вылезти не сможет. Заплачет, найдут. А если к свиньям пролезет? И такое бывало… Или наестся всякого, или к лошади сунется, или в сарай проползет, где вилы да косы… Или хворь какая настигнет…

Несмеяна твердо знала: коли что с ее малышом случится, жить дальше уже не сможет. И тогда один ей будет путь.

Эти свои думки она держала при себе. В селе не было бабы, что не потеряла хотя бы одного ребенка, и ничего, жили. Порой Несмеяне казалось, что с ней и правда что-то не так, что правы те, кто шептал за ее спиной – блаженная. Но имело ли это хоть какое-то значение? Ей от того не было обидно. И не хотелось ничего менять.

Только вот неясно: зачем она такая понадобилась Светозару? Они знали друг друга давно. Когда ему было восемь, а ей шесть, он повадился бегать в кузню к ее отцу, подсматривать и проситься помогать. Финист несколько раз за шиворот уволакивал его домой, но в конце концов махнул рукой, пришел к Трофиму и попросил взять сына в ученики. Трофим не был против. Работа в кузне сложная, лишние руки всегда нужны, а Светозар уже тогда был смышленым и ответственным, учился быстро, слушался во всем. Тогда-то они и познакомились.

По вечерам, когда работа заканчивалась, Светозар всегда проходил рядом с их домом. Если было лето и Несмеяна играла во дворе, подходил к ней, зимой стучал в окно и махал рукой. Он таскал ей яблоки, пряники и сладости, которых она прежде никогда не видела и не пробовала, но которые откуда-то привозил его отец. Однажды принес тканый поясок с затейливым узором и кисточками на концах. Мать поохала и поахала, но надеть разрешила. И целый день Несмеяна любовалась обновкой, пока вечером не напали соседские девчонки, не сдернули пояс и не изорвали в клочья…

Так Несмеяна узнала, что подарок может быть не к добру.

А потом матушка ее умерла.

Но об этом Несмеяна старалась думать поменьше, а лучше не думать вовсе.

Что ж, станет и она теперь женой, а если повезет, то и матерью. Войдет в большую крепкую семью.

Финиста в деревне, с одной стороны, уважали, а с другой – побаивались. И передавалась из уст в уста легенда, как в одиночку управился он с ратью из нежити, обосновавшейся в здешних лесах. Правда это или нет, никто наверняка сказать не мог, но с тех пор, как Финист поселился в их селе, в лесу перестали пропадать люди. Он никогда не отказывал деревенским в помощи, но дом свой построил поодаль от всех остальных. И какой это был дом! С виду так царский терем. В два этажа, с резными ставнями и наличниками, с коньками на крыше и с красивым балкончиком, выходящим на лес. Деревенские говорили, что с этого балкончика то и дело вылетает сокол.

Но деревенские просто болтали, а Несмеяна знала большой секрет, что скрывали надежные толстые стены терема на холме. Средний сын Финиста не был простым человеком. Ему давалась волшба. И мнилось ей, что не один Светозар был таким в том доме. И быть может, стоило кому рассказать. Но не могла Несмеяна отплатить злом за добро…

Но одно дело – хранить секрет, и совсем иное – стать женой ведуна. Каково оно будет?

– Молодец, дочка! – похвалил ее вечером отец. – Не упустила своего счастья. Готовь приданое.

Что ж, судя по всему, ей предстояло это вскоре выяснить.

* * *

Славным вышел свадебный пир! Ничего не пожалел ради сына Финист. Гуляли всей деревней: громко и весело. Светозар светился радостью, глядел ликующе, без капли хмельного пьяный от счастья, а Несмеяна цепенела от внимания, то и дело кидала взгляды на батюшку, переживая, что он переберет и пойдет буянить, радовалась, что есть нельзя, – кусок в горло не лез, не могла дождаться конца и выдохнула, лишь когда пришло время молодым отправляться в опочивальню.

Что ждет ее за плотно закрывшейся дверью, Несмеяна знала. После смерти матери какое-то время помогала ей по хозяйству бабка Марфа. Женщиной та была доброй и ласковой, и Несмеяна, еще полная детской простоты, рассудила, что раз у бабки Марфы своих детей восемь, она точно должна знать, как ребеночек в животе заводится, и спросила ее о том. Марфа повздыхала-повздыхала и все ей рассказала. Спокойно рассказала и обстоятельно. Восьмилетняя Несмеяна не смутилась и не испугалась. Поняла наконец, чем скотина занимается. И теперь была бабке Марфе благодарна. Кто бы ей еще обо всем поведал? Не батюшка же.

И теперь Несмеяна не видела причин тревожиться. Отныне стала она Светозару законной женой, так чего зря бояться и волноваться, реку вспять все равно не повернешь. Она выполнила все, что должна была, легла в постель, приготовилась…

А Светозар был нежен и аккуратен. И радовался ей, словно ребенок новой игрушке. Целовал, гладил и много говорил до поры до времени. Рассказывал, как ей с ним хорошо будет, убеждал, что станет заботиться. Обнимал и улыбался.

– Хорошая моя, – шептал он, заглядывал в глаза.

Но его слова только мучили. Лучше бы он уж без слов, побыстрее.

А когда все закончилось, Светозар уснул, крепко прижимая ее к груди, как еще вчера прижимала она к себе своих кукол. Несмеяна подождала, пока его дыхание выровняется, осторожно убрала с себя тяжелую руку, отодвинулась на край постели. Все на новом месте было незнакомым, чужим, неуютным. И куколок ее здесь не было, и Несмеяна подумала, что им,

наверное, тоже страшно и холодно сейчас одним на полатях. Она, конечно, все им объяснила, да только разве легче ее ребятушкам от того, что мамка их не по своей воле оставила? На глаза навернулись слезы. Несмеяна вытерла их об подушку, но тут же появились новые. Конечно, она понимала, что куклы ее не живые, но за много лет тихих ночных разговоров привязалась к ним, да и остались они последней памятью о матери. Страшно было, что отец найдет ее сокровище. Несмеяна не сомневалась, что тогда он поступит с куклами так же, как уже однажды поступил. Надо было их куда-нибудь спрятать, но она, совсем растерявшись от мыслей о близком замужестве, так и не придумала куда.

Несмеяна сжалась в комочек, положила ладонь на живот. И ощутила, как среди всего, что творилось, разгорелся слабый огонек надежды: быть может, появится этой ночью и внутри нее ребеночек. Надо было подождать, чтобы узнать. Она закрыла глаза, стиснула пальцами край постели, но еще долго не могла заснуть.

* * *

Утро первого дня замужней жизни ознаменовалось криками. Несмеяна резко села в постели, пытаясь понять, где она и что случилось. Неужто что натворила и батюшка сердится? Но голос был чужим.

– Я же просил не трогать мои книги! – кричал Тихомир.

– Борислав, ну что опять! – взмолилась Настасья.

– Матушка, да ты знаешь, что он сотворил с моим поясом? Пошел я вчера после свадьбы за девками…

– Молчи! Постыдился бы при матери!

– Борислав! Тихомир! – перекрыл всех звучный рык Финиста.

Он начал говорить дальше, но рядом спросонья как-то по-особому махнул рукой Светозар. Дрогнул воздух, и все стихло. Светозар приоткрыл глаза, увидел Несмеяну и улыбнулся, окончательно просыпаясь.

– Братья мои, – зевнул он. – Один мнит себя веселым, другой – умным, а на деле оба дураки, так что с них взять?

– Как же?.. – выдохнула Несмеяна.

Светозар перестал улыбаться. Посмотрел серьезно.

– Я заслон сотворил, – ответил он. – Чтобы не слышно было. Но ты ведь знаешь, кто я. Так чего испугалась?

Несмеяна покачала головой. Она не волшбы испугалась. Чего бояться тишины? Более того, волшба Светозара все еще была такой, какой ей запомнилась, – она несла с собой покой. Десять зим миновало, а Несмеяна не забыла теплый свет из-под его ладони и исчезнувшую с коленки ссадину. Не зря она не верила, что тот, кто вылечил ее однажды, может использовать данную ему чудесную силу во вред.

– Ты к ним привыкнешь, – продолжил Светозар, потягиваясь. – Тихомиру кроме знаний ничто не интересно, а Борислав к тебе не сунется, ты ж моя жена. А коли сунется, скажи мне или отцу, тот с него живо шкуру сдерет.

И повторил с восторгом:

– Жена!

Взял за руку, потянул на себя, уронил на кровать, принялся целовать, и Несмеяна ощутила, как его ладони нетерпеливо стали собирать вверх ее сорочку. Вот стыд-то! При свете дня! И ведь только вчера все было, зачем же опять…

Однако Светозар воспринял ее слабую попытку его остановить по-своему.

– Не переживай, – широко улыбнулся он. – Они нас не услышат. Заслон на обе стороны действует. Как же я счастлив, что ты согласилась пойти за меня! Как же я тебя люблю! А ты

мне этого так и не сказала, – с укором добавил Светозар и замер, видимо ожидая, что она исправится.

Наверное, следовало соврать. Но врать Несмеяна не привыкла и не умела. И ведь он же еще попросит. Да и звал он ее стать его женой, а не любить его.

– Ты чего молчишь? – нахмурился Светозар. – Стесняешься, что ли? Или…

Несмеяна съежилась. Что теперь будет?

Руки Светозара, застывшие до того на ее бедрах, исчезли с них.

– Не любишь, значит, – прошептал он. – Зачем тогда замуж пошла?

– Батюшка велел… – выдохнула Несмеяна.

Лицо у Светозара стало страшно. Побелело, рот перекосило, и дико сверкнули серые глаза. Несмеяна зажмурилась в ожидании гнева. Но скрипнула кровать, раздался шорох, хлопнула дверь, и вместе со Светозаром пропала и его волшба, комната вновь наполнилась звуками проснувшегося дома.

Несмеяна выдохнула. Не тронул. Не закричал даже и не сломал ничего. Обошлось. Полежала немного, успокаиваясь, а потом осознала, что наконец-то осталась одна. Открыла глаза, поправила сорочку, села на постели и впервые как следует оглядела комнату, где ей теперь предстояло жить. Просторная, светлая. Потолок непривычно высокий, и посреди стены – оконце, прикрытое расшитыми занавесками. Под оконцем массивный сундук, стянутый железными оковами. А рядом с ним еще один, смотрящийся на фоне первого совсем крошечкой, – с ее приданым. У соседней стены небольшой столик. На столике – таз для умывания, кувшин с водой да вышитое полотенце из беленого льна. А еще круглый металлический диск, начищенный до зеркального блеска, какого она не видала даже в кузне у отца. Несмеяна робко подобралась ближе и осторожно заглянула в него. И впервые увидела свое отражение не в водной глади, искаженное бликами и рябью, а как есть. Курносая и с веснушками. Глаза светлые-светлые, как небо вдалеке ранним утром. А волосы едва ли не белые, будто ковыль в пасмурный день. Подбородок острый. Попробовала себе улыбнуться. На щеках проступили ямочки, на левой аж целых две. И все это вместе показалось Несмеяне некрасивым. Ее дразнили с детства, а людям, наверное, виднее, красива она или нет. Неужели не было неприятно Светозару с ней этой ночью?

Снова обвела взглядом комнату и повнимательнее присмотрелась к занавескам. У нее в сундуке лежали кружевные, те, что она ткала порадовать батюшку, а он велел сохранить для дома будущего мужа. Муж теперь был, но могла ли она считать его дом своим и менять здесь что-то? А вдруг Светозар осерчает, что без его ведома хозяйничать принялась, или свекровка с проверкой придет… И достать занавески из сундука и повесить вместо тех, что уже были, Несмеяна не решилась.

Выходить из опочивальни не хотелось, но и засиживаться было нельзя. Дом большой, и хозяйство немалое, и наверняка Настасье одной управляться с ним нелегко, так что работа точно найдется, а работа ждать не любит.

Несмеяна помяла в пальцах ткань сорочки. По утрам она всегда приветствовала своих куколок, гладила по маленьким головкам, желала им разного доброго и хорошего. Что там с ними и как начинать день, не исполнив обычая?

Но разве был выбор?

Помотала головой: как-нибудь после поплачет. Умылась, переплела косы со сна – теперь уже по-новому, как жене положено, – переоделась и бросилась вниз. Прошло не так уж и много времени, но Светозара в горнице уже не было. И вообще никого из мужчин не было. Настасья прибиралась после трапезы и ругать за промедление не стала. Что-то в ней было не так, но Несмеяна не смогла сообразить, что именно. А на столе стояли кружка с молоком и тарелка с кашей.

– Поешь, – улыбнулась ей свекровь. – А я пока за водой схожу.

– Я сама могу, – откликнулась Несмеяна, цепляясь за возможность не только быть полезной, но и хоть ненадолго уйти из этого дома.

Настасья посмотрела на нее задумчиво, покачала головой.

– Ешь, и вместе пойдем, – решила она.

А потом взяла с печи платок и накинула на голову поверх первого. А вместе с ним словно накинула на себя годы. И Несмеяна наконец поняла, что ей показалось странным: Настасья до этого момента выглядела куда моложе, чем должна была.

До колодца шли в тишине. А когда уже подошли к последнему повороту, Настасья сказала:

– Что ни скажу – молчи и делай. Иди-ка вперед.

И остановилась. Несмеяна неуверенно пошла, силясь понять, чем вызвана такая перемена.

Странное дело, у колодца толпились девки. Чуть ли не все с деревни собрались. Что за сходка? Впрочем, Несмеяну оно волновало мало – возьмет воды и уйдет, ее-то никто не звал.

Однако при ее приближении разговоры смолкли, а злые взгляды вцепились в нее, будто собачьи клыки. И Несмеяна поняла, что уйти будет не так просто: девки пришли сюда по ее душу. Вперед выступила Матрена – пшеничную косу с кулак через плечо перекинула, руки на высокой груди сложила. Красивая, ничего не скажешь. Несмеяна потупила глаза, все равно попыталась пройти, но остальные сомкнулись в цепь, не пуская.

– Ну что? – шипя, поинтересовалась Матрена. – Получила Светозара? Как же ты его приворожила? Тихоней притворялась! Ведьма!

– Ведьма, ведьма, ведьма… – пробежал в толпе ветерком шепоток.

Несмеяна сделала шаг назад. Оглянулась. Свекровка из-за угла так и не показалась.

– Думала, никто не поймет, не узнает? – продолжала Матрена, наступая. – Думала, все тебе с рук сойдет? А коли мы тебя сейчас в воду? Вот пусть вода и покажет твое истинное лицо.

Девушки нехорошо заулыбались, закивали.

Несмеяне стало страшно. А ведь с них и правда станется…

– И чего встала, рот разинула? – внезапно раздался сзади звонкий Настасьин голос. – С подругами треплешься, будто других дел нет? А вода сама себя натаскает? Давай-давай, поторапливайся!

Обомлевшие девки расступились. Вконец оробевшая Несмеяна послушно кинулась к колодцу.

– А-а-а, Матрена! – протянула Настасья. – Значит, зря говорят, что ты с печи слезаешь, только когда солнце макушку припекать начнет. А иди-ка тоже ко мне в невестки. Я Бориславу скажу, он живо сватов пришлет.

Матрена побледнела. Борислав был главный повеса и кутила на селе, и никто не верил, что он остепенится.

– Набрала? – снова прикрикнула на Несмеяну Настасья. – Ну так чего встала как придорожный столб? А ну пошли.

Несмеяна послушно пошла, кожей ощущая колючие взгляды. А когда они со свекровкой свернули за угол и прошли еще немного, та забрала у нее одно ведро и вздохнула.

– Не обижайся, – уже спокойно попросила она. – Я когда замуж за Финиста вышла, тоже хлебнула людской зависти. Так пусть уж лучше радуются, что тебе со свекровью не повезло, нежели злятся, что повезло с мужем.

* * *

Отца Светозар нашел в поле. Вместе с Бориславом и Тихомиром он косил на пробу пшеницу. Борислав кинул какую-то скабрезность о минувшей ночи, но Светозар лишь скривился. Подошел ближе к отцу, склонил голову.

– Ты чего? – недоуменно нахмурился Финист.

– Я ошибся, – выдохнул он. – Наша свадьба – ошибка…

Слова обожгли. И еще сильнее заболело сердце.

Отец помрачнел.

– Когда ты пришел ко мне, я спросил, хорошо ли ты подумал, – строго сказал он. – И ты ответил, что только об этом и думал последние десять лет. Что изменилось за одну ночь?

– Она меня не любит.

– И как же ты это понял?

– Сама сказала.

– А что ж она раньше по-другому говорила?

– А я не спрашивал раньше… – выдавил из пересохшего горла Светозар.

А ведь и правда, ни разу не спросил… Думал, если согласится, значит, все остальное само собой разумеется. А оно вон как: брак отдельно, любовь отдельно. А еще смеялся, что это Тихомир с Бориславом дураки. Главный дурак-то оказался он.

– Вы женаты, – весомо произнес Финист. – Этого уже не изменить. Ты получил, что хотел. Так подумай о жене. Что с ней будет, если ты решишь все переиграть?

Светозар ничего не ответил, вцепился в волосы. Земля уходила из-под ног, и рушилось все, что он успел вообразить себе за почти десять лет.

– Ладно, не горюй, – вздохнул отец. – Ты поторопился, но сделанного не вернешь. Любит – не любит, а вам теперь вместе быть и жить дальше как-то надо. Нос она от тебя вроде не воротит, и то хорошо. Твоя мать полюбила меня до свадьбы, но не с первого взгляда.

– Так что же делать? – прошептал Светозар.

Финист пожал плечами.

– Женщина что дикий зверь. Ее приручить надобно. Где-то лаской, где-то разговором. Я когда твою мать впервые увидел, попытался поцеловать. А она мне знаешь что сказала? Что воображаю про себя много лишнего. Ты ей дай себя узнать. Авось узнает – полюбит. Спроси, может, хочет чего. Все-таки в чужой дом пришла. И не злись на нее. Сам виноват. Такие вещи до свадьбы спрашивать нужно.

Отец махнул было косой, но замер и снова повернулся к нему, посмотрел внимательно.

– Свет, ты говорил, что она знает про нас. Ты же не обманул? Она ведь знает, кто ты?

– О чем там знать…

– Светозар!

Борислав с Тихомиром подняли на них головы, оторвавшись от своего занятия. Светозар сделал шаг назад.

– Знает. До свадьбы знала. И не боится.

– А про меня и братьев?

– Нет. Но если узнает, никому не скажет.

Отец хмурился и молчал. И это было худшим наказанием.

– Ладно, – наконец отозвался он. – Но если что случится, то ты ответ держать будешь перед всей семьей и перед своей совестью.

Светозар кивнул.

Что же он натворил?

* * *

Дом у семьи Светозара был большой и теплый, но чужой. И люди в нем были чужие. Несмеяна привыкла, что отец весь день проводит в кузне и приходит лишь под вечер, и теперь, постоянно пересекаясь то с Настей, то с Бориславом, то с Тихомиром, чувствовала себя словно животное в клетке, выставленное на всеобщее обозрение на балагане. И вроде комнат было столько, сколько, наверное, не во всяком дворце сыщешь: внизу горница, кладовая, чулан и клеть, а сверху четыре опочивальни, но особо не спрячешься, ведь нужно работать. Больше всего пугали встречи с Финистом. В присутствии свекра Несмеяна старалась стать как можно меньше и незаметнее. А вот с кем Несмеяна теперь виделась совсем редко, так это с собственным мужем. Вниманием он ей нынче не докучал и с разговорами больше не лез, ходил понурый и выглядел болезненно: осунулся, посерел. В опочивальню приходил поздно и по ночам к ней не прикасался.

– Ты не захворал? – обеспокоенно спросила она как-то раз.

Светозар глянул на нее едва ли не испуганно.

– Нет, – буркнул он и поспешно ушел.

Так Несмеяна осталась в своем новом большом доме совсем одна. И никто ее не обижал, но чувствовала она себя гостьей, которой позабыли указать угол, куда можно приткнуться. Это был не ее дом. И этот дом уже имел хозяйку. У отца Несмеяна всю работу давно привыкла выполнять по ею заведенному порядку. Тут же соблюдался другой, установленный Настасьей. И пусть свекровь не требовала от нее ничего особенного, не ругала за оплошности, ходить под надзором да жить по чужим правилам было непривычно и тяжко.

Испросив разрешения, Несмеяна исправно ходила к отцу, помогала с уборкой и огородом, готовила немудреную еду на скорую руку. И каждый раз отдыхала там, где все было родное и с детства знакомое. И разговаривала со своими куклами, раз за разом забывая дышать, пока лезла на полати: а вдруг батюшка нашел и как тогда… собакам… или сразу в печь… Но куклы лежали там, где она их оставляла. Надо было перепрятать, и Несмеяна даже пару раз попыталась, но все места казались или ненадежными, или больно уж пугающими. Не под пол же. И не в лес. Они же были для нее живыми…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.